

Дмитрий **МИЗГУЛИН***

ГЕНЕРАЛЬСКИЙ ЧАЙ

Рассказ

В пустом зале ресторана, самого лучшего из трёх заведений общепита райцентра, занят только один столик, в самой глубине зала, возле кухни. За столом сидят трое: Иван Иванович Семирякин, начальник райпищеторга – круглый, краснолицый, немного подбострастный; ревизор из облфинуправления Вася Дрыкин, вчерашний студент, смущающийся пока подобными приёмами, и Генрих Васильевич Ерасов, шеф-повар этого заведения, автор всех изысканных кушаний, которыми заставлен стол. Зал погружён в уютный полумрак. Из раскрытого окна доносится приглушённый шелест июльской тяжелой листвы, тёплый ветер едва колышет плотные занавеси.

* Дмитрий Александрович Мизгулин родился 10 сентября 1961 года в городе Мурманске. Окончил Ленинградский финансово-экономический институт имени Н. А. Вознесенского в 1984 году и Литературный институт им. А. М. Горького в 1993 году. Секретарь правления Союза писателей России. Академик Петровской академии наук и искусств, Российской академии естественных наук, Славянской литературной Академии (Болгария). Президент литературного благотворительного фонда «Дорога жизни».

Выпито и съедено достаточно, и в душах у присутствующих полное умиротворение и покой. У Васи Дрыкина – от тёплого приёма и оттого, что он, вчерашний студент, здесь большой человек и ни за один обед или ужин не заплатил ни копейки, что при его окладе в сто двадцать немаловажно. Семирякин доволен тем, что ревизор молод, «лопоух» и без больших материальных и моральных затрат удалось направить его внимание в сторону от «имеющихся недостатков», и акт уже подписан. А Ерасов доволен тем, что обед, превратившийся уже, впрочем, в ужин, удался на славу, а Генрих Васильевич любил угодить солидному клиенту.

Разговор, протекавший оживлённо и даже порою горячо, постепенно затихал. Темы были исчерпаны, анекдоты рассказаны, и в минуту, когда собеседники совсем было умолкли, Ерасов, здоровенный мужчина, и за столом восседавший в неизменном белом халате и переднике, так как то и дело выходил на кухню, объявил, что пора бы испить чайку. Дрыкин и Семирякин согласно закивали.

Чай Ерасов готовил для таких гостей особо, с каким-то секретом, оттого и, вышедши на кухню, отсутствовал сравнительно долго, так что Дрыкин даже задремал. Но когда гости отведали густого, терпкого напитка кирпичного цвета, они в один голос замычали и захмыкали от удовольствия, снова оживившись.

– Надо тебе заметить, Василич, – обратился к Ерасову Семирякин, – что твой чай, прямо скажем, явление неординарное.

– Да, чай прямо-таки генеральский, – добавил Дрыкин, вспоминая студенческие столовки. – Никогда такого не пил...

Тут Дрыкин неловко замолчал, потому, что, как ему показалось, фраза его была не к месту; ещё вчера Семирякин просто заставил его принять двадцать пачек цейлонского в качестве презента. Дрыкин деньги бы отдал, да денег-то не было, и получилось как-то нехорошо, хотя Семирякин заверил, что это пустяки. Для Семирякина это были действительно пустяки, потому как прежний ревизор, отправленный нынче на пенсию Шендырев, брал помногу и шутил, подлец: «Когда же ты, Семирякин, мне, наконец, свинью подложишь?» – и выразительно стучал при этом по багажнику своего холёного «Москвича». Почуя мимолётное напряжение Дрыкина, Семирякин опять стал нахваливать, прихлебывая чай, чтобы разрядить обстановку. Ерасов, польщённый похвалой, сидел довольный и улыбался хитровато.

– Между прочим, через этот вот чай вся моя жизнь, можно сказать, в корне изменилась, – тут он тяжело вздохнул и продолжил: – Вот ты говоришь, Василий, что чай генеральский. А это ведь целая повесть...

Дрыкин и Семирякин наперебой просят Ерасова рассказать очередную историю, которых он – большой мастер поговорить – наращивал сегодня уже предостаточно. Рассказчик он интересный, да и повидал на своём веку немало. Рассказывает Генрих Васильевич с видом невозмутимым, несколько даже отсутствующим, что, впрочем, придаёт его повествованиям ещё большую увлекательность. Бывало, наслушаются Ерасова, а потом, спустя какое-то время, попробует кто-нибудь пересказать услышанное – не то выходит, скучно и как-то незначительно.

Ерасов не спеша допивает чай, аккуратно отодвигает стакан и, откашлявшись для солидности, начинает:

– Случилось это лет тридцать тому назад. Служил я тогда в армии, в артиллерийском полку, начальником столовой. Ну, служба как служба; интендантство, пожалуй, не самое лёгкое дело в армии. Пока стоим в гарнизоне – ничего. А поехали в поле на учения – пиши пропало. Во-первых, рассчитай всё – по нормам и преysкурантам, да так, чтобы и самому внакладе не остаться. Во-вторых, условия – будьте нате: то дождь, то снег, то жара, то мороз. А еду всем подавай к сроку. Деваться некуда. Хотя, впрочем, армейские порядки для меня были дело привычное. Я ведь в армии ещё давно начинал – срочную, между прочим, в дивизионном оркестре, на валторне играл...

Однажды, а дело было поздней осенью, подняли нас по тревоге – в поход. Проверяющий приехал из Москвы, генерал-лейтенант, мужик видный, дородный, поест, как потом выяснилось, большой любитель. Строгий, однако, был до безумия. Ночью вот и нагрязнул. Шум поднял, пистонов, так сказать, всем навставлял. И комдиву – приказ: такой-то полк – на колёса. Самолично прибыл в полк. Уселся в дежурке, сидит да на часы поглядывает.

Командир, стало быть, – меня. Ты, говорит, хоть чаю этому паразиту сгноши, не водкой же его пока поить. А с чаю оно, может, и помягчеет. И то сказать, пять часов утра, в желудке-то, наверное, только что мыши не скребутся. Командир в дежурку – шашть.

– Не желаете ли, товарищ генерал, чаю с утра, пока мы тут...

– Давай, – говорит генерал, – но ежели в положенное время не уложишься, говнюк, никакие тебе чаи не помогут.

Ну, тут, натурально, и я возникаю на пороге, в полевой уже форме, в портупее, однако в белом фартуке и с подносом. А на подносе – чайник фаянсовый и стакан в подстаканнике мельхиоровом, с красной звездой посередине.

Понравилось это дело генералу. Чуть даже подобрел он. Отхлебнул чаю и похвалил меня:

– Чай у тебя хороший. Крепкий. И сапоги начищены. Молодец!

Строгий был человек, а и то – не без души.

Сразу после тревоги убыли мы в поля, на стрельбы. И целую неделю генерал тот вместе с нами торчал. Ну для него – отдельная палатка, конечно. Хотя ел вместе со всеми, в общей столовой. – Люблю я по-простому, по-солдатски, – говорил. Ел он, действительно, там же, где и все. Только приходил чуть раньше, да и готовил я ему особо.

Меня генерал запомнил и всегда зычно окликал:

– Хорошо бы чайку, старшина!

Чай я ему тоже заваривал особо, в отдельном чайнике, и всегда самолично. А однажды случилось вот что.

Ночные стрельбы закончили поздно, уже под утро. Дождь лил всю ночь. Вернулись все мокрые и злые как собаки. Народ был в ту ночь издёрган и повара тоже. И то ли по ошибке, то ли специально сыпанул мне кто-то в коробку с чаем красного перца. И не просто сыпанул, а тщательно перемешал, зараза. Было тогда всё один к одному: движок полетел, сидели в темноте, при свечах. Да вдобавок ко всему насморк меня замучил – не учуял ни черта.

Первым прибыл, как обычно, генерал. Сразу – в столовую.

– Давай-ка, старшина, чаю. Продрог.

А у меня всё уже готово. Наливаю стакан. Подношу. А генерал, видать, с большого похмелья, ночь не спавши, да ещё озябший, как глотанёт, аж со всхлипом – натурально, крокодил... Ну и полетели тут в меня и стакан, и чайник, и столы, и стулья. А слова какие кричал – передать невозможно. Да и то – от такого напитка на стену полезешь. Меня, конечно, уволили в неделю. И вся моя жизнь пошла иначе. Слушатели смеются. Но смеются

как-то лениво, неохотно. Уж слишком хорошо и сытно им в этот июльский вечер, и лёгкая дремота постепенно овладевает ими, клонит в лёгкий, прозрачный сон... Ерасов хочет ещё что-то добавить к сказанному, но неожиданно умолкает.

Он вдруг понимает, что в его жизни, в главном, иначе ничего и не произошло. Он точно так же бы впоследствии женился – не на той, так на другой. И детей бы точно так же вырастил. И если были бы у него, как и сейчас, сын и дочь, то дочь всё равно бы вышла замуж и уехала к мужу, а сын потянулся бы в иные края – ну не в Нижневартовск, так, к примеру, в Мурманск. И точно так же звонили бы по праздникам да подвозили бы на лето внуков... Точно так же приходилось бы вставать ни свет ни заря и ехать на работу. И затемно возвращаться домой. И квартира, и машина, и дача – вот, собственно, и всё, и как ни крутись – итог один и тот же. Эта мысль приходит в голову Ерасову впервые и так поражает его, что Генрих Васильевич теряет и начинает уже было грустить... Но Семирякин успевает наполнить рюмки. Что-то говорит, энергично встряхивая отяжелевшей головой. Генрих Васильевич выпивает, закусывает тающими во рту солёными груздями и немного успокаивается.

1988

